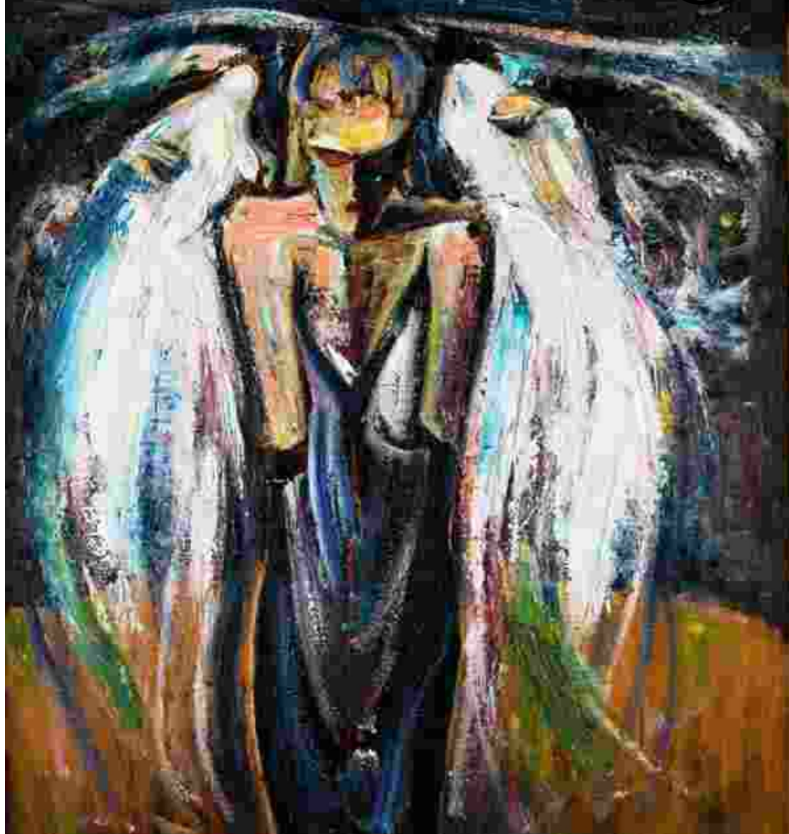

Мария Полянская

18+

ТЕРМИНАЛ

Мария Полянская

Терминал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26724964

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06161-3

Аннотация

На ТВ появляется новое реалити-шоу, шокирующее даже бывалых продюсеров. Одной из героинь шоу предстоит пройти путь от жизни к смерти и затем обратно к жизни. Книга получила первую премию конкурса «Хай-концепт», которую Самиздат проводил совместно с продюсерской компанией «Среда» «за сочетание остросоциальной тематики и триллера в духе Голодных игр. Так о раке писать не осмеливался ещё никто» – Юлия Селиванова, руководитель группы современной российской прозы издательства Эксмо.

Содержание

День 10-ый	4
День 20-ый	5
День 30-ый	10
День 40-й	15
День 50-ый	20
День 60-ый	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

День 10-ый

Сегодня день прошел как обычно. Боли адские, но терпеть можно. С утра отвлекалась, как могла, потом стало хуже, но я утешалась тем, что вечером дадут поговорить с домом. Я так соскучилась по детям, что готова была и не такое вытерпеть. Жаль, что нельзя увидеться, очень жаль. Говорят, что даже перед самым *моментом* и то нельзя, такие правила. Ведь я, в конце концов, знала, на что шла. Или думала, что знала. В то время мне казалось, что свет померк, дальше – ужас страдания, стыд разложения, боль и ненависть близких, словом, все то, что не то, что любящим и любимым – врагу не пожелаешь. И я не пожелаю. Другое дело – как уж там все обернется. День прожит – и слава богу. Мне ведь главное – не выжить, это невозможно, мне главное – пережить. А уж это я смогу, из кожи, противной, постаревшей, испорченной кожи вон выпрыгну, а переживу. Умирать буду, а не сдохну. Раньше времени не сдохну, а там – хоть в любой день.

День 20-ый

Делали химию. Долго готовились, раскладывали кабели, готовили коктейли, мы же слонялись без дела, почти не обращая внимания на всю эту суету. Нас здесь шестеро – мужчин и женщин, но должен остаться один... или одна, а время нам отмерили уж слишком, на мой взгляд, щедро – по 180 дней на всех и каждого. За это время, как сказал генеральный продюсер, уложимся. Он так и выразился, после того как прочел медицинские заключения, лежавшие у него на дорогом дизайнерском столе ручной работы знаменитой итальянской фабрики. Раньше я знала ее название, но в тот момент мне это было совсем неважно, и я отбросила эту мысль из прошлой жизни, как будто это была надоевшая старая тряпка. Напротив нас сидели врачи в умопомрачительно белых халатах, словно ангелы, ненароком сошедшие с небес. Все это были светила, те, до которых я тщетно пыталась достучаться, пока была еще жива, но тогда это была недоступная мне роскошь. Зато сейчас они внимательно исследовали нежными отбеленными руками мою дрожащую неправильную плоть, и все это, вращая тяжелым темным глазом, снимала огромная профессиональная камера, за окошком которой стояли самые обычные мужики-операторы, охальники и матерщинники. Правда, стояла гробовая тишина, за что я в глубине души была бесконечно благодарна этим последним

нормальным мужчинам в своей жизни. Я дрожала, но не потому, что в светлом и просторном помещении, откуда на всю огромную страну расплывалось облако эфира, было настезь распахнуто свежее весеннее окно, нет. Я дрожала, потому что в руках ангелов, бессильно склонив голову набок, висела моя судьба. Даже не судьба, нет, жалкая уродливая судьбенка, жить которой оставалось считанные месяцы. Но – и это было самым важным – они должны были верить мне: моему изможденному лечению и тщетной надеждой телу, моему исхудавшему лицу, безнадежным анализам, страшному диагнозу, беспросветной нищете и полной апатии – словом, всему, что сделало бы меня лакомым кусочком для тех, кто сидел за окном, ходил по улицам, обнимал близких, садился за стол, еще не зная о том, что рано или поздно и его час наступит, но пока он не наступил, есть время и есть возможность насладиться тем, что его осталось еще так много, так непозволительно много...

Опять я отвлеклась и погрузилась в воспоминания, а это в моей жизни роскошь. Со своим прошлым я рассталась тогда, когда иссохшей рукой подписывала бумаги, а будущее мое отрезала жестокая, но верная рука хирурга, иссекшего изменившую мне плоть. «У меня есть только настоящее», – сказала я себе тогда и посмотрела в бесстрастные глаза ангелов. Их мнение было решающим для тех, кто командовал хмурыми операторами в то весеннее утро, когда я окончательно выбрала свой путь. Они, эти ангелы, поверили тому,

что я всерьез решила умереть. «Сейчас, – подумала я про себя, – все брошу и на ходу умру, не выходя из вашей гребаной студии. У меня есть ровно 180 дней, чтобы стать сильнее, умнее, здоровее, в конце концов. Со щитом или на щите – неважно, важно, что я должна все это пережить, и я знаю зачем». А вот им, ангелам и продюсерам, знать это вовсе не обязательно, поэтому я самозабвенно несла чушь в темный рыбий глаз камеры – о том, что у меня нет никакой надежды, но я очень хочу, чтобы моя достойная смерть послужила примером тем, кто отчаялся, и всякое такое, что могло бы выжать слезу из тех, кого собирались доить мои ангелы смерти. И они купились, чудесным образом купились, я слышала, как один, даже не таясь особенно, но слегка вполголоса сказал другому: «Терминальщица, максимум два месяца». Его собеседник был не в халате, а в черной водолазке под горло и точнейшим образом напоминал ангела смерти, и вопрос его был таким, который мог быть задан только вестником ада: «А мучиться будет?» – «Еще как, – кивнул головой белый халат, – все время, ей бы на наркотики, но ведь у нас не предусмотрено?» – «В том-то и штука, что нет, – подтвердил вестник ада, – а иначе драйва никакого».

А драйв был, это точно, особенно когда началась химия. Камеры стояли так изошренно, чтобы бесстрастно передавать малейшие оттенки боли и недомогания, изменения в лице, самые отвратительные реакции. Я еще до кастинга взяла с мужа и близких слово, что они не допустят детей до телеви-

зора ни при каких обстоятельствах, даже когда мне придется говорить свое последнее слово. Они обещали, но я не очень-то верю, поэтому держалась до конца, и даже тогда, когда выворачивало наружу, я старалась выглядеть более-менее интеллигентно – насколько в этой ситуации это было возможно. Оператор шипел мимо камеры, что ему неудобно снимать, но мне было плевать – теперь-то меня не выгонишь. На меня уже полстраны денежки поставило, а ставки-то немаленькие, и я в них тоже участвую. То есть участвую я, конечно, по-смертно, если так можно выразиться, – после моей зафиксированной гибели выигрыш достанется детям, и это правильно, ведь это то, что мне там, за пределами Терминала, совсем не нужно.

Ах да, вот и прозвучало это слово, ставшее моим кредо в этой странной нереальной жизни, – Терминал. Что бы это ни значило, для меня это – зал ожидания, пункт распределения: одним туда – другим оттуда, одним ждать – другим больше не надо, одни могут уйти, а другие не могут остаться, и так далее, без остановок, без права выбора. Своя жизнь, свое расписание, за стеклом сидит диспетчер и распасовывает рейсы, а мне ничего не надо делать. Я все бежала, торопилась, глотала слезы, надеялась, писала, жила, любила, рожала, а потом вдруг ничего не стало – ни моей жизни, ни планов, ни привязанностей, ни даже смерти – я попала в Терминал, место хоть и временное, но конечное, а значит, оно и определит, а мне ничего не надо делать, надо только тупо

или мудро ждать, терпеть, вертеть, обидеть, видеть, слышать,
ненавидеть...

День 30-ый

Когда я пришла в Терминал, сначала мне показалось, что это самое чудесное место на земле – чистая светлая палата, где кроме меня всего три женщины, а ведь я привыкла к другому: теснота, вонь от немытого гниющего тела, разбитные сеструхи и нянечки-злыдни, равнодушные врачи и жирная посуда и всюду запах неприкрытой смерти. Здесь же все было так чисто, так стерильно, словно я попала в больницу будущего, куда люди будут приходить отдыхать от жизни и решать вопрос, а стоит ли жить вечно.

У меня так вопрос никогда не стоял – я была бы счастлива прожить еще хоть сколько-нибудь, и не просто так, как придется, нет, я собиралась извлечь из своей жизни до смерти максимальную выгоду – ведь тому, кто умирает последним, достается все – и круглая сумма, позволяющая обеспечить детям образование и безбедное существование, и немалые подарки от спонсоров, и слава самого мужественного обитателя Терминала, не говоря уже о возможности задорого продать право на экранизацию своей жизни хотя бы в захудалом сериале, и прочих мелких радостях. И разве все это не стоило загубленной призрачной надежды на исцеление, о которой устало говорил мне районный врач, умолявший не прерывать лечения. Этот юный дурачок, еще не ощутивший стальные объятия обстоятельств, думал, что я выберу его но-

вое средство, а оно стоило бы нам всем квартиры, в которой мы жили, школы, в которой учились наши дети, всего того, чего мы с мужем добились, выпрыгивая из кожи вон, собирая крохи там, где другие снисходительно отряхивали пепел с каблуков. Как же он ошибался, на коленях упрашивая подписать бумагу о включении меня в состав группы испытателей. Он на полном серьезе думал, что я не представляю, чего лишаюсь.

Я к тому времени слишком хорошо знала, чего лишаюсь я и мы все. Я к тому времени знала, почему муж смущенно отводит глаза от моего изменившегося тела – не только потому, что я перестала быть женщиной в полном смысле этого слова, нет, была и другая – другая женщина, появившаяся еще до того, как я стала неприкасаемой, но ее шансы тогда были ничтожно малы, зато сейчас они росли как на дрожжах. Я к тому времени понимала, что наши дети – это мои проблемы, даже после того как я уйду туда, откуда не возвращаются, потому что у нее нет детей, а она их наверняка захочет, и тогда, когда это произойдет, никто не сможет защитить моих ребят от судьбы пасынков и падчериц. Я к тому времени уже задала мужу те вопросы, ответы на которые мне были абсолютно понятны еще до того, как он раскрыл рот ради очередной порции полулжи-полуправды.

И тогда я предложила ему сделку. Какую – не ваше дело, важно, что он согласился, а я пришла и подписала отказ от участия в эксперименте. А через неделю объявили результа-

ты кастинга, и он схватился за голову, но уже было поздно. Я-то слишком хорошо знала, что делала, да и бумаги лежали в надежном месте, только сын, а он у меня старшенький, будет знать где. А остальным знать не положено, как не положено мне думать о чем-то, кроме собственной смерти.

Да, я запретила себе думать о чем-либо ином: о том, как когда-то была счастлива, о родителях, о муже, бывшем самым близким мне человеком, о работе, которую я делала не только ради денег, об интересных странах, где я уже никогда не буду, – словом, обо всех тех упущенных или непознанных возможностях моей жизни, оставшихся в прошлом, где я еще не была больна. Единственное исключение я сделала для детей, хотя и тут я составила для себя отдельную программу, носившую громкое название – отмирание потребностей. Еще до прихода в Терминал я поняла, что иначе не выживу. Отмирание потребностей – самый легкий и нестрашный путь к смерти, но его, как и вынашивание ребенка, нельзя пройти иначе, чем положено, – долго, тщательно отфильтровывая воспоминания и мечты до состояния прозрачной дистиллированной водицы, переходящей в пар, легкое дыхание, покидающее тебя вместе с тем, что когда-то было живо и обладало некой законченной телесной сущью. И когда оно, это облачко пара, уплывает меж твоих губ, ты понимаешь, что оно больше никогда не вернется, а с ним – не родится больше желание, не появится на свет еще одна мечта, не встрепенется в душе затерянная струна...

«И не надо», – говорю я себе очередной раз бесстрашно и мудро и решаю, что больше не буду оглядываться назад и смотреть вперед, – у меня нет ни прошлого, ни будущего, у меня есть только то, что сегодня – тридцатый день моего пребывания в Терминале, чистая красивая палата, утыканная камерами, и по ней днем и ночью шастают телевизионщики, для которых я и остальные – всего лишь хлеб насущный, а не предмет сострадания, и в этом они ничем не отличаются от тех врачей, что были добры или не очень ко мне тогда, когда я еще предполагала быть живой.

Теперь о тех, кто как я, или о моих конкурентах.

Когда-то давно, пока я опять-таки наивно мечтала жить вечно, я крутилась в бизнесе, и тогда слово «конкуренты» вызывало у меня совсем другие чувства. Я активно играла во взрослые игры: они – мне, я – им, мы ходили в одни и те же рестораны, покупали одни и те же вещи, гонялись за одними заказами и дружно сплетничали на корпоративных вечеринках. Вообще-то, они были милые люди, пусть и с бульдожьей хваткой в бизнесе, в чем-то очень честные и искренние, даже в нелегкой российской жизни. Они не вызывали у меня никаких личных чувств, кроме легкого восхищения и порой даже зависти к той независимости, с которой они расставались с тем, к чему мы все так стремились. Кто-то из них был мне даже симпатичен, и я всегда чувствовала, что в наших отношениях нет ничего личного, как выражаются сдержанные англосаксы.

Только здесь, в Терминале, я поняла, что такое настоящая конкуренция. Даже нет, скорее это была жесткая борьба за выживание, ведомая безжалостной рукой природной эволюции, не прикрытая ничем теория Дарвина в действии. Я почувствовала это в первый же день – настороженное глухое внимание к себе и, самое главное, к своей болезни. Каждый из нас – трех женщин и трех мужчин – словно сканировал других, пытаясь прощупать тонкую кишочку жизни. В душе мы знали точно: здесь нет вторых и третьих мест, есть только одно место, и каждый из нас хотел его занять, но место было не для всех, и время вело против каждого из нас свою игру.

Правда, была и альтернатива – изощренность ангелов смерти не знала границ, и мы тоже могли участвовать в общей игре, где ставками были наши жизни. Когда-то давно, в прошлой жизни, я училась на экономиста, и меня учили перестраховывать риски. Черт побери, как это правильно, думала я теперь, и у каждого из нас был шанс кинуть собственную смерть на деньги – поставить в тотализаторе на того, кто должен умереть последним, даже если это будешь не ты сам.

Штука была в том, что я пошла ва-банк. Я никому не сказала об этом, даже старшенькому, чтобы не отговаривал, а уж мужу-дураку и подавно – ему только в игры играть, нет, я оказалась хитрее. Меня учили не класть все яйца в одну корзину, но это не тот случай. Я должна быть первой, то есть в моем случае – последней. Последней пассажиркой Терминала.

День 40-й

Забыла представиться – меня зовут Надя. Странное же имя дал мне Господь – не иначе как решил надо мной пошутить или, наоборот, оказал мне честь тайным знаком предпочтения – подарил мне надежду надеяться. Всегда надеяться.

Я надеюсь – так и сказала сегодня за обедом Вере и Любе, моим сокамерницам и конкуренткам. Нас ведь не просто отбирали, нас собирали, словно в мозаике, складывая картинку мира, состоящую из веры, надежды, любви и мудрости. Но Софьи среди нас нет, как нет ее и в реальной жизни за пределами Терминала, она снизойдет потом, когда никого из нас уже не будет в живых, пройдет по пустым комнатам, приберет холодные койки, выкинет мусор, вымоет посуду, скажет операторам, чтобы выметались, и закроет дверь студии на ключ.

Я этого уже не увижу, как не увидят Вера и Люба, которые уже давно не верят и не любят. Вере под шестьдесят, у нее взрослые дети и внуки, она прожила долгую жизнь в провинциальном городке, и ее на мякине не проведешь. Она чует, где правда, эта хитрая баба, и я понимаю, что должна следить за ней и ее болезнью изо всех сил, чего бы мне это ни стоило, иначе она обскачет меня на каком-нибудь крутом повороте. Она ни во что не верит и ни на кого не надеется, и этим она страшна мне и неприятна тем, кто следит за Тер-

миналом. Ее рейтинг, как выражаются ангелы смерти, очень низок, но для меня она представляет особую опасность: такая вцепится в жизнь последними живыми клетками, и ее не оторвешь от себя, словно весеннего клеща.

Люба – несчастная молодая дурочка, и я никак не пойму, за что ее так угораздило. Она и не любила-то по-настоящему в свои двадцать с хвостиком лет, зато она верит и надеется. Верит она ангелам смерти, с чьего ведома в наши тела вливают яд и направляют лучи, а надеется она выздороветь. Эта молодая ослица, за чьей борьбой со смертью, затаив дыхание внизу живота, следит полстраны, надеется не умереть последней, а выздороветь. Ее рейтинги чрезвычайно высоки – Люба привлекательна, хотя ее тело внутри червиво, словно яблоко, однако люди восхищаются упругостью ее груди и округлостью живота и ягодиц, подглядывая за ней во время немилосердных процедур. Люба рассуждает о смерти так, словно и ее пытается соблазнить дешевой телесной приманкой, вместо того чтобы полюбить ее всей душой. Люба мне неопасна, думаю я, а ее рейтинги меня совершенно не трогают, разве что ее чаще крутят по телику.

Так мы и живем – я никому не верю, пытаюсь полюбить смерть и надеюсь, что умру последней, Вера любит только своих родных, ни на что не надеется и ни во что не верит, а Люба готова полюбить всех и каждого, кто обещает ей исцеление, верит кому ни попадя и надеется на чудо. Хорошенькая у нас компания, сказала я им и себе, и они согласились.

Совсем другое дело – мужики. Странно даже думать о том, что они обладают каким-то полом: в Терминале нет мужчин и женщин, нет вторичных половых признаков, нет пенисов и вагин, нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало о том, что эти высохшие мумифицированные тела когда-то будили желание. Нет, и все же они – другие. Взять хотя бы Андрея – когда-то компьютерный гений, успешный и все еще красивый, сегодня он остался один на один со своей болью и одиночеством – верная жена забрала детей и ушла к другу, не желая быть женой живого трупа. И кто бы ее упрекнул – вот и Андрей не упрекает, он смирился и день-деньской до изнеможения уверяет себя и других, что она поступила правильно. Андрей – натуральный нытик, он достал даже терпеливых операторов, потому что долго и правильно говорит в не знающую снисхождения камеру о том, что он ее не осуждает. В душе он до сих пор не может поверить, что судьба ему изменила – такому удачливому, такому правильному, такому послушному, и поэтому вся страна его дружно жалеет. Рейтинги его стоят чуть ниже Любушкиных мудовых страданий, как грубо и цинично выражается Вера, но у него, собаки, есть все шансы выжить, прикидываю я, глядя на еще свежее лицо, почти не тронутые болезнью ногти и волосы. Андрей мне неприятен, и я прекрасно понимаю почему: ведь он безумно боится смерти, боли, страданий, уродства – так, что сама костлявая не захочет об него мараться. Того и гляди, переживет, мрачно думаю я и отвожу глаза от его чест-

ных, глуповатых гляделок в круглых интеллигентских очках. Борис – тоже не мой тип. Слишком стар, слишком болен, слишком несчастен – такая гремучая смесь отпугнет кого угодно, не только жадных до зрелищ и падких на страдания телезрителей. Слишком жалок – таково общее мнение, и оно, словно приговор, тянет Бориса вниз. Ему не прожить и тридцати дней – возможно, он умрет собственной смертью, и тогда, согласно условиям контракта, его взрослая замужняя дочь получит в продюсерской не только узелок с его пропахшей потом, мочой и смертью одеждой, но и некую сумму денег, пусть даже небольшую. Если же жесткие законы Терминала приведут к тому, что рейтинг его упадет ниже терминальной отметки, санитары торжественно выведут его из чистой комнаты обратно в грязную и жестокую жизнь, где он все равно умрет – но бесславно и бесплатно. Нет, думаю я, это не мой случай.

Николай – вот действительно опасный тип. Полнейший криминал, как выражается Вера, – полжизни провел за решеткой, остальную половину крал и врал, так что болезнь пришла к нему вполне справедливо в качестве определенного возмездия. К его чести, он и сам так думает, поэтому давно перестал сопротивляться. Он, пожалуй, единственный обитатель Терминала, которому наплевать на рейтинги. Он пришел сюда, чтобы достойно завершить свою жизнь, и, черт побери, он это делает: он читает книги, отказывается от споров, покорно принимает жестокое лечение, улыбается в ка-

меру, курит с операторами – словом, живет абсолютно нормальной, спокойной жизнью. И я ему завидую, хотя знаю, что он мне не конкурент, – ему не нужны ни деньги, ни жизнь. Ему нужно совсем другое – прощение, публичное покаяние и наказание на глазах у миллионов, жестокий, но справедливый урок и итог жизни. И в этом он преуспел, думаю я с долей опаски, даже слишком преуспел – его рейтинг растет, глупая здоровая масса несчастных одиноких теток видит в нем удачный пример того, как можно перековать даже такого тертого мужика, и втайне надеется, что им удастся захомутать кого-нибудь в этом духе, чтобы затем переделать его под себя. Коровы, толстые, пустобрюхие коровы, бешусь я и тут же одергиваю себя – такая молодая и живая злость мне совсем ни к чему – она лишь отнимает силы, отвлекает душу от главного, насильно возвращает к мелкотравчатым радостям живой жизни, между тем как мне уже давно пора всерьез оценить радости Терминала.

День 50-ый

К слову о радостях Терминала. Я не раз заставляла себя размышлять о том, что со мной произошло. Я предпочитаю думать, что всякое несчастье ниспосылается человеку не только и не столько как испытание, а скорее как предупреждение. Сначала это легкий звоночек, не громче китайских колокольчиков над дверью, потом – уже вкрадчивый, но настойчивый стук в дверь, после переходящий в барабанный бой, заканчивающийся резким сильным ударом, от которого к черту летят двери и ломаются судьбы.

Я как все – ничего не слышала, до тех пор пока двери моего дома не распахнулись настежь и в дом не повеяло могильным холодом. Жила и думала, что все делаю правильно, как надо, не замечая того, как постепенно, день за днем, минута за минутой, я предаю все то, ради чего только и стоило жить, и в первую очередь – саму себя. Ибо во что я превратилась, пока еще не успела подхватить смертельный вирус, – в жалкое существо, лишенное способности к любви, состраданию, пониманию, целиком и полностью поглощенное добыванием пищи в самом худшем смысле слова – ради денег. А деньги я всегда любила, нет, не ради самих денег, а просто, чтобы их было много. Я вела себя словно блокадник, переживший голод, я желала, чтобы их было как можно больше, чтобы они были в запасе и их можно было бы безнаказанно тратить. Я

откладывала их в сторону – на будущее детей, как я говорила, я не тратила на себя ни лишней копейки, со временем утешившись мыслью о том, что покупать себе удовольствия или вещи за деньги – непозволительная роскошь для того, кто немолод, не очень красив и таким уже никогда не будет. Нет, я, конечно же, не ходила в обносках, но каждый рубль, потраченный на себя, болью царапал мне душу, поскольку я четко понимала, что он не принесет пользы будущему. Я сознательно поставила крест на своей жизни после детей, отрезала себе все пути к отступлению, загнала себя в тупик, из которого не желала видеть выхода. В сущности, я начала умирать задолго до болезни, вернее, я умерла еще до того, как она стала пожирать мои клетки. И это лишь справедливое возмездие мне, отказавшейся ухаживать за сосудом божьим, не более того, думала я в самые тяжелые минуты.

Я отлично помню, почему я это сделала, и именно это не дает мне покоя даже здесь, в Терминале, даже сейчас, когда я на самом деле перестаю быть не только женщиной, но даже человеком. Я помню, но не хочу вспоминать. Тогда я думала, что была права, тогда я была уверена, что иного выхода нет, я все положила на семейный алтарь, не оглядываясь, сделала то, за что и пришла расплата. Зажав душу в кулак, я хладнокровно гляжу в зеркало на то, что осталось от меня и чего не будет буквально через несколько десятков дней, и спрашиваю себя, правильно ли я поступила. И не знаю ответа на этот вопрос.

Были и другие «звонки», но я их не замечала. Сначала от меня ушла любимая подруга. Странно говорить так о женщине, но ведь дружба – это та же любовь, только лишенная одной потаенной стороны, которая, впрочем, так или иначе всегда волновала нас обеих. Мы подружились задолго до того, как я вышла замуж и родила детей, задолго до того, как я стала жить не своей жизнью, превратившись в абстрактную жену и мать, мы дружили и тогда, когда мое будущее было еще не определено, словно я стояла на берегу реки в густом тумане и судорожно вглядывалась в белое молоко. Мы были близки и тогда, когда я решила, что уже пора примириться с тем, что настоящая безмерная любовь, в поисках которой я исходила не одну сомнительную тропку в своей жизни, никогда не случится со мной, а все остальное может случиться вполне, и вышла замуж, и родила детей, но мы все так же были близки – как женщины и как подруги, если вы понимаете, о чем я говорю. Мы оставались подругами все бесконечно-неопределенное время, пока я исполняла задуманные роли дома и на работе, мы встречались и говорили о том, чего нам не хватает в пустоте окружающего мира и наших внутренних отношений. Не знаю, можно ли это назвать дружбой – скорее, это было взаимопроникновение, требующее исключительного напряжения сил. Наверное, я была первой, кто этого не выдержал. Будь наша любовь чуть менее святым чувством, все бы обошлось, но святые, как известно, не приемлют никаких компромиссов. Я стала ухо-

дить в себя, как потревоженный моллюск в заковыристую раковину. Я казалась настолько ничтожной даже самой себе, что решительно не находила ничего интересного в том, чем могла бы поделиться с таким настолько близким мне человеком, как она. Это казалось мне кощунством – ведь самой себе мне ничего не приходилось рассказывать, я просто тупо молчала и ждала, что она услышит мое безмолвие и истолкует его должным образом. Я жила по принципу «чем хуже, тем лучше», и наконец это «хуже» наступило. Моя подруга, к несчастью, была слишком живой для меня – ей хотелось жить и каждый день ощущать ток крови в своих жилах, ей хотелось давать и делиться, ей мечталось, чтобы вокруг нее закручивались вихри вселенских драм и текли реки страданий, а мне все это казалось ненужным и слишком хлопотным делом. Она еще долго билась, как рыба на песке, в моем зыбучем молчании, она еще долго пыталась меня своим неумным вниманием ко мне и моим проблемам, она еще долго тянула нас обеих на аркане из того болота, где мы барахтались исключительно по моей вине, но потом и ее сила признала свое бессилие. Она могла бы пробить стену, будь это необходимо, и сделала бы это голыми руками. Но перед ней была не стена, а легкий дождь из песка и воды, и он все сыпался и сыпался, и сколько бы она ни раздвигала струи руками, он все не кончался и не останавливался.

И тогда она ушла – не просто так, незаметно исчезнув из моей жизни. Нет, она долго грызла мою душу обвинениями

в предательстве, в трусости, в нежелании жить собственной жизнью, в малокровии (как пророчески и как иронично – нота бене!), она долго сопротивлялась моему заблаговременно-умиранию, но во всей этой борьбе чувствовалась какая-то натуга, словно мы обе знали, что дело ее проиграно и нет смысла идти в атаку, когда противник покинул окопы. Меня в нашей дружбе уже давно не было, и однажды я с облегчением обнаружила, что и ее там тоже больше нет. Не скрою, на минуту-другую мне стало грустно, как бывает грустно генералу, положившему на поле боя тысячи вражеских солдат, но ведь в этом и был смысл сражения, не правда ли, подумала я. А потом мне стало необыкновенно спокойно – никто больше не терзал меня горячей до боли любовью-дружбой, никто не тянул меня в лучшую жизнь, не навязывал мне высоких и труднодостижимых целей и не заставлял меня в конечном счете ощущать себя полным ничтожеством. Я вздохнула и забыла ее, как страшный и беспокойный сон, на много лет, пока не оказалась здесь, в Терминале. В этом богом и дьяволом избранном месте все поступки приобретают одно очень странное свойство – грехи выглядят еще чернее, чем в жизни, а добро имеет ту беспощадную белизну, которую уже невозможно ни с чем спутать. Поэтому только в Терминале я поняла, что разрушила одно из величайших и хрупких чудес в жизни – искреннюю, не замутненную плотским желанием, хрупкую, словно свинцовый хрусталь, женскую дружбу – одну на миллион в своей и ее жизни. Не то чтобы я те-

перь жалела об этом – мне ведь не было в ней сейчас абсолютно никакого толку, нет, я просто впервые задумалась о том, что чувствовала она, когда я инстинктивно загоняла ее туда, откуда не было возврата, когда ее любовь ко мне – а она не умела в своей жизни ничего другого, кроме как любить, и делала это со всеми, в ком видела близких людей, – сыпалась сквозь пальцы, словно мелкий и чистый кварцевый песок в часах. Я вдруг ясно ощутила, как она носила в себе боль потери, как будто в ее чреве заживо умирал младенец. Она просто не хотела умирать вместе со мной, думаю я теперь, но чтобы этого не произошло, ей пришлось уйти – отрезать мертвое, начинающее гнить тело.

Она, правда, сделала еще одну попытку, когда увидела меня по телевизору, во всяком случае, так это выглядело со слов мужа. Она позвонила на следующий день и пыталась организовать нашу встречу вне камер, но это было невозможно, нам строжайше запрещено так близко подпускать к себе живой внешний мир. Она писала мне письма и передавала их через операторов, но я рвала их в туалете. Мне было безумно стыдно, но я не могла позволить себе расчувствоваться до такой степени, чтобы всерьез начать думать и ощущать чужую боль как свою.

Здесь у меня была только одна боль – моя, и только она могла стоить так дорого. Я снова вычеркнула чужую боль, вернее, отложила ее до того момента, когда мне действительно будет на все наплевать – цель моя будет уже достигнута,

и я снова смогу стать человеком, пусть и не надолго – до самой смерти.

День 60-ый

Сегодня наконец-то случилось то, что должно было произойти. То, чего с затаенным чувством превосходства над нами, больными и гнилыми, но в то же время известными всему миру и потому весьма дорогими в бытовом смысле, ждали те, кто оценивал нас в рейтингах и ради кого, как они думали, мы и пришли в Терминал. Черта с два мы делали это ради них, думал каждый из нас, вгрызаясь в полотно Терминала всеми волосками и ресничками своих простейших, словно инфузория, тел. Мы сделали это только для того, чтобы не умереть, а если и умереть, то хотя бы не сдохнуть, как выразился один раз Николай. Правда, во время трансляции этот момент приглушили, потому что считается, что чем меньше мы говорим о смерти, тем лучше – тем более неопределенно и интригующе выглядит наш сериал, тем менее циничен замысел ангелов смерти в глазах тех, кто против Терминала. Ведь уже составила целая партия, желающая запретить Терминал и предоставить нам настоящую врачебную помощь, а не экспериментальное обнажение перед телекамерами. По сценарию, мы пришли выжить, а не умереть, хотя изначально все ставки сделаны на то, что выживет лишь один из нас. Я иногда думаю: неужели все эти безумные усилия нужны лишь для того, чтобы потратить на избавление от неизбежного то, что может пригодиться в жизни – нормаль-

ной, не отягощенной сомнениями и опасениями жизни, не испорченной постоянной мыслью о неизбежных страданиях и смерти. Нет, голубушка, говорю я сама себе, мы рождены не для жизни, мы рождены для смерти, и здесь нас держат исключительно потому, что мы явно умеем это делать красиво и непринужденно – как будто всю жизнь только к этому и готовились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.